
Забейся в свою пластилиновую конуру
Пять на четыре с учётом балкона и санузла.
В стотысячный раз примерься шеей к шнуру,
В стотысячный раз пойми, что ты слишком слаб.

В районе нет света, авария, говорят.
Не горят фонари, почти видны звёзды. Ты
Вливаешь в себя сорокаградусный кельтский яд
Выстрел за выстрелом, шот за шотом, и ждёшь беды.

Атомная электростанция твоих имени и фамилии
Плавится где-то внутри четвертым энергоблоком.
Бьёшься как рыба в немом бессилии
В сплошном массиве безжизненных тёмных окон.

В твоей аптечке нет препаратов,
Помогающих при внутричерепном ожоге.
Сосуды висков вздулись как конденсатор,
И ты воешь сиреной воздушной тревоги.

Никто не услышит.
Никто не услышит.
Никто не услышит!
Тише.

Не кайся, не ной, не зови, не жди.
Хоть трезв, хоть в сопли упорот,
Помни, что света в твоей груди
Хватит на целый город.

Жизнь похожа на улицу.
Ссутулиться,
Сунуть руки в карманы.
Хватило бы маны,
Скастовал бы «Печаль»,
Но я не герой ни магии, ни меча,
И вообще не герой.
Херово быть мной,
Но больше никем не выходит:
Ни человеком, ни пароходом,
Ни баржей, севшей на мель. Я
Троглодит, существо первого уровня
Подземелья.
Такой же зелёный, слепой, тупой,
Тебе не стоит общаться со мной.

Жизнь похожа на улицу,
и эта сторона улицы
наиболее опасна при обстреле.
Тащишься еле-еле,
думаешь взять вина –
и вот тебе на:
неожиданный поворот.
Дома останутся мама и кот,
передай им привет.

Автобус следует на тот свет,
ты мнѣшься на остановке,
безумно неловко,
но боеголовка
прислала билет.
И выхода нет.

Господи, дай мне быть стихотворным.
Искренним, смелым, как в грязном порно.
Быть символичным, как слѣзы мрази,
Сбившей ребенка на автотрассе.
Дай мне быть синематографичным.
Метафоричной бутылкой «Столичной»
В кармане героя, кричащей, что он
Самый-пресамый советский шпион.
Господи, дай мне быть хоть предметом!
Жжёной салфеткой, бычком сигаретным,
Песком или следом на мокром песке,
Жилкой, стучащейся на виске!
Пером ли, бумагой ли, кинолентой...
Господи, дай же мне быть хоть кем-то!

Я с любовью своей непрошеной
Притащился совсем не вовремя.
Желая всегда лишь хорошего,
Хочу быть тебе чем-то новым я.

Отказаться от старой плесени,
Залатать сердечные трещины.
Может я в душе поэт-песенник?
А по жизни – почти повешенный.

Дай мне шанс. Не стерпевшись слюбится.
Здесь терпеть только мне положено.

Будет праздник на нашей улице,
Намурашит покровы кожные.

Мы пройдемся по миру грохотом,
За собой оставляя прошлое.
Вот увидишь, не так уж плохо что
Я с любовью своей непрошеной.

На эскалаторе держитесь за поручень.
Будьте хорошими ровно до ночи.
По согласованию будьте плохими,
Ночью, друг с другом, без форм и без линий.
Как летом в Берлине и в Амстердаме
Дарите цветы незнакомым дамам,
Читайте стихи мадмуазелям!
Скрипкой ли, альтом ли, виолончелью,
В распахнутых ртах и радужках глаз
Пойте ярко, как будто в последний раз.
Бригантиной лёгкой по водной глади
Летите, взяв минимум ручной клади.
И бога ради, живите пронзительно!
Здесь важно качество, а не длительность.
На эскалаторе держитесь за поручень
Вот вам добрый совет старой сволочи.